

Исследовательская статья
УДК 008 130.2
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-30-40>

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕС: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Елена Сергеевна Зиновьева¹, Валерия Игоревна Булва²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ e.zinovieva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5129-338X>

² va.i.bulva@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6349-0148>

Аннотация. Развитие информационно-коммуникационных технологий актуализирует изучение новых направлений эволюции дипломатической практики в цифровой среде. Цифровая дипломатия представляет собой использование социальных сетей в публичной дипломатии и в международном взаимодействии в целом. Согласно традиционному взгляду на цифровую дипломатию, сложившемуся в научной литературе, и нашедшему отражение в работах таких авторов, как М. Кастельс и Дж. Най, она способ-

ствует укреплению сетевых связей на уровне гражданских обществ различных стран и, таким образом, снижает международную конфликтность. Методологически статья исходит из не-олиберального направления теории международных отношений, в качестве теории среднего уровня использована концепция «мягкой силы» Дж. Наи. Сегодня практически все государства мира вовлечены в практику цифровой дипломатии, не является исключением и Россия. В силу географической близости и специфики геостратегических интересов для внешней политики России особое значение имеют отношения со странами ЕС, в том числе и в цифровой сфере. Однако несмотря на то, что и Россия, и страны ЕС широко используют инструменты цифровой дипломатии, практика «горизонтального» сетевого взаимодействия, опосредованного цифровыми технологиями, не способствует укреплению доверия между странами и снижению конфликтности. Отталкиваясь от теории «цифровой поляризации», авторы приходят к выводу, что использование цифровых инструментов, в частности, социальных сетевых сервисов и Web 2.0 технологий в горизонтальных взаимодействиях цифровой дипломатии обостряет межкультурные различия между странами и в ряде случаев само способно выступать в качестве конфликтогенного фактора.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, межкультурная коммуникация, внешняя политика России, российско-европейские отношения, ЕС

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31493.

Для цитирования: Зинovieва Е.С., Булва В.И. Цифровая дипломатия в отношениях России со странами ЕС: кросс-культурные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №4. — С. 30–40. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-30-40>

Research article

DIGITAL DIPLOMACY IN RUSSIAN-EUROPEAN RELATIONS: CROSS-CULTURAL ASPECTS

Elena S. Zinovieva¹, Valeria I. Bulva²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ e.zinovieva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5129-338X>

² va.i.bulva@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6349-0148>

Abstract. The development of information and communication technologies and formation of the global information society actualizes the study of new directions in the evolution of diplomatic practice in the digital environment, including in the context of intercultural communication. The modern information revolution is characterized by the widespread and ever-growing use of social networks, blogs, wiki resources and other media platforms (labelled under the common term of Web 2.0 technologies). At the same time, the widespread use of Web 2.0 technologies and the increasing amount of time people all over the world spend there has a wide and profound impact on political and intercultural communication and diplomatic practice. A new phenomenon of digital diplomacy is gaining prominence among foreign policy tools of states and international organizations. Digital diplomacy can be defined as the use of social networks and Web 2.0 technologies in public diplomacy and international interaction by states and international organizations to achieve foreign policy goals and reach foreign audiences. According to the traditional view of digital diplomacy, which has developed in the academic literature, and is reflected in the works of authors such as M. Castells and J. Nye, it helps to strengthen network ties at the level of civil societies in different countries and thus reduces international conflicts. However, cultural differences and digital polarization can impede the potential of digital diplomacy. Today, almost all states and international organizations in the global arena are involved in the practice of digital diplomacy, and Russia is no exception. Russia actively participates in the digital diplomacy practice, by using social media and Web 2.0 tools as *soft power* instruments to introduce and explain foreign policy initiatives and reach foreign and domestic audiences, as stated in the Doctrine of the Information Security of Russian Federation of 2016. For Russia's foreign policy, relations with the EU countries and EU institutions are of particular importance, including in the digital sphere. However, even though both Russia and the EU countries make extensive use of digital diplomacy tools, the practice of *horizontal* network interaction mediated by digital technologies does not contribute to strengthening trust between countries and reducing conflicts. The authors consider incidents and allegations in the sphere of digital interaction and, based on the theory of *digital polarization*, conclude that the use of digital tools in horizontal interactions within digital diplomacy exacerbates intercultural differences between countries and increases conflict instead of improving mutual understanding.

Keywords: digital diplomacy, intercultural communication, Russian foreign policy, Russian-European relations, EU

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research № 20-011-31493.

For citation: Zinovieva, E. S., Bulva, V. I. (2021) 'Digital Diplomacy in Russian-European Relations: Cross-Cultural Aspects', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(4), pp. 30–40. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-30-40>

Феномен цифровой дипломатии

В настоящее время одним из актуальных исследовательских вопросов является изучение влияния цифровизации на различные области культуры. К числу сравнительно мало изученных, и вместе с тем активно развивающихся феноменов в данной области можно отнести так называемую «цифровую дипломатию». Этот вид дипломатического взаимодействия основан на использовании потенциала новых медиа, социальных сетей, блогов и других медиаплощадок в глобальной сети для обмена информацией и коммуникации между профессионалами-международниками и широкой аудиторией.

На практике к области цифровой дипломатии принято относить не только активность политиков и дипломатов в соцсетях. В расширительном понимании к области цифровой коммуникации, входящей в сектор цифровой дипломатии, принадлежит также оцифровка произведений искусства, объектов природного и культурного наследия с целью создания баз данных и площадок «виртуального туризма»; создание цифровых образовательных платформ международного уровня; выстраивание сетей поддержки соотечественников за рубежом и т.д. В целом под «цифровой дипломатией» следует понимать расширение сферы международного общения, создающего пересечение деятельности представителей официальных дипломатических ведомств с практиками публичной [Публичная дипломатия..., 2017: 56] и гражданской [Foglesong, 2020] дипломатии на

основании использования цифровых инструментов и ресурсов.

При этом при анализе цифровой дипломатии мы опирались на аналитический инструментарий концепции мягкой силы [Nyе, 2010; Харкевич, 2014; Цыганков, 2015; Лебедева, 2018], теоретические работы по проблематике публичной дипломатии в контексте международной безопасности [Подберезкин, 2016]; роли цифровых инструментов¹ в современных международных конфликтах [Международная безопасность..., 2020], и публичной дипломатии² в трудах [Цветкова, Кузнецов, 2020; Алборова, 2019; Manor, 2019; Bjola, Zaiotti, 2020; Hong, Kim, 2016].

Наиболее заметной сферой применения цифровых инструментов в публичной дипломатии является активность политиков и дипломатов в соцсетях [Castells, 2014; Лебедева, 2021]. Под социальными сетями в данном случае понимаются сетевые сервисы, предназначенные для электронной коммуникации в интернете, которые позволяют пользователям распространять информацию (текстовую, фото и видео) и обмениваться идеями в рамках онлайн-сообществ. Наиболее популярные социальные сети сегодня у всех на слуху, это Facebook, Twitter, SnapChat, Instagram, WhatsApp, Telegram, TikTok и другие. Значительную их часть составляют американские компании; TikTok и QQ базируются в Китае, «ВКонтакте» (VK) — в России и т.д.

Стоит отметить, что в 2020 г. число пользователей сети Интернет составило более 62% от всего населения планеты, то есть порядка 4,8 млрд. человек³. При этом количество пользователей Facebook, са-

¹ Пермякова Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты // РСМД. — 2014. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrumen/>

² Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: Дисс. д-ра ист. наук. — Санкт-Петербург, 2015. — 552 с.

³ Internet Usage and Population statistics. 2020 // Internetworldstats. — URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>

мой популярной социальной сети в мире, в этом же году составило 2,7 млрд. человек⁴. Самой быстро растущей социальной сетью года стал TikTok, предоставляющий возможность обмениваться короткими видеосообщениями. Согласно докладу Digital-2020, пользователи Интернета по миру в целом проводят порядка 7 часов онлайн, при этом 80% времени они также проводят в социальных сетях⁵.

В докладе Twiplomacy за 2020 г. сделан вывод, что пандемия COVID-19 существенно увеличила присутствие политических лидеров в социальных медиа и интенсифицировала обмен информацией между ними, а также подстегнула их взаимодействие с широким кругом пользователей социальных сетей⁶. Пандемия внесла свои коррективы и в совершенствование методов цифровой дипломатии: явно возрос спрос на дистантное общение официальных лиц, представляющих политические силы и дипломатические модули своих стран с широкой аудиторией и между собой. Как, впрочем, усилился общественный резонанс в связи с их заявлениями и поведением.

Главной особенностью социальных медиа по сравнению с традиционными средствами массовой коммуникации (в том числе, и электронными) является возможность создания пользователями информационного контента, которым они могут быстро обмениваться между собой. При этом встроенные алгоритмы в социальных сетях позволяют пользователям выбирать подписки и делиться контентом, основываясь на их предыдущих решениях, что позволяет управлять информационными предпочтениями. Это также позволяет настраивать контент в соответствии с особенностями определенной целевой аудитории, таким образом повышая эффективность его воздействия, в том числе политического. Пользователи социальных сетей не являются пассивными подпис-

чиками и читателями, социальные сети позволяют им давать обратную связь при помощи хэштегов или прямо отвечать на сообщения политических деятелей, комментируя их. Кроме того, возможность мгновенной коммуникации и распространения информации в социальных сетях ускоряет новостной цикл и позволяет событиям и сообщениям становится «вирусными», расширяя их охват. Правда, проблема «цифрового законодательства», вышедшая сегодня на первый план в ряде аналитических докладов, проявляет глобальную тенденцию к регулированию контента со стороны государств и таких международных образований, как Европейский Союз.

Предоставление пользователям возможности (пусть и ограниченной) самостоятельно выбирать информацию (информация по требованию, *information on demand*), способствует фрагментации аудитории. В исследовательской литературе отмечается, что политический эффект социальных медиа выше в отношении тех пользователей, которые традиционно не проявляют интереса к политике, в том числе международной, в силу того, что у нее нет сформировавшегося отношения к политическим событиям, что доказали эмпирические исследования политической дискуссии в Facebook [Feezell, 2018].

Упомянутые выше технологии используются в и дипломатической работе. Более того, новым направлением цифровой дипломатии становится «дипломатия данных» в социальных сетях, которая представляет собой использование данных пользователей социальных сетей в целях настройки контента в соответствии с их предпочтениями — главной целью является более эффективная, инклюзивная и менее ресурсозатратная работа дипломатов [Data Diplomacy, 2019: 6–7].

С помощью информационно-коммуникационных технологий институт диплома-

⁴ Number of monthly active Facebook users worldwide as of 2nd quarter 2020 // Statista. — URL: <https://www.statista.com/statistics/264810/number-of-monthly-active-facebook-users-worldwide/>

⁵ Digital 2020 // We are social. — URL: <https://wearesocial.com/digital-2020>

⁶ Twiplomacy Study 2020. // Twiplomacy. — URL: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2020/>

тии становится более «горизонтальным» и адресным, включающим в международную проблематику рядовых граждан. Однако при кажущейся ориентированности на «горизонтальные» срезы культуры цифровая дипломатия остаётся инструментом продвижения национальных интересов государства и его позиционирования на международной арене. Управление тем, какие точки зрения доводить (или не доводить) до широкой публики, обычно ориентировано на определённые цели. Например, целью может выступать стратегия интеграции общества при сохранении культурных различий; или напротив, усиление тенденций дезинтеграции за счёт акцентирования существующих противоречий. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение влияния практики цифровой дипломатии на характер отношений России и стран ЕС.

Опыт использования инструментов цифровой дипломатии в России

Несмотря на то, что цифровая дипломатия начала развиваться в США, сегодня она не является исключительно «американским» инструментом. Непрерывно активная деятельность российских и европейских дипломатов в пространстве сети Интернет свидетельствует, что цифровая коммуникация стала неотъемлемой частью деятельности их дипломатических ведомств.

В России становление цифровой дипломатии приходится на начало XXI в. Оно ознаменовалось наращиванием присутствия органов государственной власти в информационном пространстве. Сегодня свои сайты есть у всех федеральных министерств, ведомств и иных государственных органов. В частности, в 2002 г. впервые был создан сайт президента России, в 2008 г. запущен президентский видеоблог, с 2010 г.

ведётся аккаунт микроблога Президента в Twitter. Актуальные вопросы внешней политики РФ освещаются на сайте Министерства иностранных дел, а также в социальных сетях (Facebook, Twitter, Вконтакте) [Зиновьева, 2013: 221].

Следует отметить, что большая часть современных гигантов Интернет-индустрии, такие как Facebook, Twitter, была образована в 2000-х годах. Эти компании позволяют пользователям Интернета общаться, обмениваться персональной информацией: текстами, фотографиями, видео⁷. Пользователи самостоятельно генерируют контент и зачастую составляют конкуренцию многим медийным корпорациям; это формирует модель коммуникации «многие-многим», что оказывает влияние на практику современной цифровой дипломатии России. В силу этой специфики официальные представители российской политической элиты и дипломатии рассматривают Интернет в качестве инструмента «мягкой силы». Он призван формировать благоприятный имидж государства на международной арене и, в конечном итоге, способствовать расширению круга союзников, которые поддерживают российские инициативы. Так, в Доктрине информационной безопасности РФ от 2016 г. в качестве одного из национальных интересов России в культурной сфере ставится следующая задача: «...доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и её официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире, применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры»⁸. Реализацию этой задачи осуществляет МИД России, а также Россотрудничество с опорой на свои зарубежные представительства.

⁷ Эванс Д. Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети. — URL: <https://www.iksmedia.ru/articles/3836537-Internet-veshhej-kak-izmenitsya-vsyo.html>

⁸ Доктрина информационной безопасности РФ: утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г. — Текст: электронный // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>

Стратегия цифровой дипломатии стран Европейского Союза

Цифровая дипломатия стран Европейского Союза начала развиваться в государствах-членах ЕС с 2008 г., причём ввиду отсутствия единого наднационального документа речь идёт не о консолидированной политике ЕС, а о деятельности государств-членов. С этой точки зрения примечательно исследование специалиста из Оксфордского университета Илана Манора, который выделил ряд этапов становления цифровой дипломатии в Евросоюзе. На первом этапе (2008 – 2015) государства предпринимали отдельные, не согласованные между собой и не имеющие стратегической цели действия в онлайн-среде⁹. В это время некоторые посольства и Министерства иностранных дел создали аккаунты в социальных сетях (Германия в Facebook, 2011), другие приступили к более активной политике коммуникации через социальные сети (Франция)¹⁰. Важную роль дипломатия «социальных сетей» получила в ключевых странах Европейского Союза, прежде всего во Франции и Германии; они видели в информационном поле благоприятное пространство для продвижения собственных национальных интересов.

На следующем этапе развития цифровой дипломатии ЕС, который И. Манор датирует 2015 г., в отношении Стран ЕС к этой теме произошли качественные изменения.

Во-первых, в это время деятельность в цифровом пространстве внешнеполитических ведомств стран Евросоюза становится более последовательной и целенаправленной. Для сбора информации о колебаниях общественного мнения (в том числе данных о позиции граждан иностранных государств), используются «большие дан-

ные»; практическое воплощение получает концепция «дипломатии данных», в рамках которой анализируются возможности использования больших данных для повышения эффективности дипломатической деятельности. Параллельно стартует мониторинг «онлайн пропаганды, направленной против европейских стран» (одним из показательных примеров подобных действий И. Манор считает намеренное распространение российским посольством в Великобритании, которая на тот момент входила в состав ЕС, информации в поддержку Брекзита, наносящей ущерб имиджу ЕС¹¹). Институционально, полагает далее И. Манор, эти изменения нашли отражение в создании новых структур, занимающихся вопросами стратегической коммуникации на уровне ЕС. В 2015 г. в структуре Европейской службы внешних связей (EEAS) была создана Восточная оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force), а в 2016 г. в структуре Европейской службы внешних связей был создан Центр ЕС по анализу гибридных угроз (EU Hybrid Fusion Cell), который собирает и обрабатывает информацию о гибридных угрозах в адрес учреждений ЕС. В 2017 г. в Хельсинки был открыт Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам (European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats). Согласно официальной позиции, создание этих структур направлено на противодействие цифровой политике России, которая рассматривается в числе гибридных угроз, с которыми сталкивается ЕС¹².

Во-вторых, происходит внутренняя консолидация государств-членов Союза по вопросу развития цифровой дипломатии как инструмента «мягкой силы». Не только у европейских, но и у иностранных граждан появляется возможность отсле-

⁹ Digital diplomacy: States go online // Euractiv. — 2020. — 16 Dec. — URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/news/digital-diplomacy-states-go-online/>

¹⁰ Ibid.

¹¹ Digital diplomacy: States go online // Euractiv. — 2020. — 16 Jun. — URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/news/digital-diplomacy-states-go-online/>

¹² ЕС активизирует борьбу ЕС с дезинформацией — вопросы и ответы. // Официальный сайт ЕС. — 2018. — 5 дек. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ru/MEMO_18_6648

живать информацию о политике и подходах ЕС, о работе различных европейских агентств, представительств и послов ЕС, Европейской внешнеполитической службы в Twitter и Facebook. Акцент делается на освещение таких тем, как права человека, здравоохранение, проблема безработицы, экономика и финансы¹³. Распространение информации о позиции европейских стран по данному кругу проблем крайне важно с точки зрения продвижения европейских инициатив на международной арене.

Сегодня вопросы развития цифровой дипломатии на наднациональном уровне служат поводом для дискуссий в рамках Европейского Союза. Германия, к примеру, предлагает сформировать «Сеть цифровой дипломатии», основной задачей могла бы стать задача сдерживать влияние таких технологических лидеров, как США и КНР¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что последствия частичного переноса дипломатии в онлайн среду неоднозначны. С одной стороны, европейские ведомства обращаются к гражданам напрямую, а не используют в качестве посредника СМИ. Это позволяет установить горизонтальные связи властей и населения, представителей европейских учреждений и иностранных граждан. С другой стороны, именно из-за установления такого прямого контакта, повышается уязвимость общества, усиливается манипулятивное воздействие на человека, ставится под сомнение право выбора. Индивид фактически теряется в информационном хаосе и абсорбирует ту информацию, которую он получает через социальные сети и Интернет. Получаемый контент зависит от тех, кто контролирует информационное поле.

Угроза коммуникативного воздействия в современном обществе заключается в

том, что оно основано на принципе внушения, а не убеждения, то есть не на логике, а на способности индивида воспринимать слова авторитетных политических деятелей и политтехнологов как должное. Различные факторы повышают уязвимость человека к внушению: его личные характеристики (отсутствие критического мышления, конформизм, низкая самооценка и т.д.). Избыточный поток информации, время и среда, выбранные для передачи информации, технические средства, которые при этом используются, играют дополнительную роль в усилении влияния на сознание человека. Помимо этого, сегодня человеку практически невозможно выйти из «пузыря фильтров». Создаётся иллюзия активного пользователя Интернета, на самом деле, даже при попытке самостоятельного поиска информации, Интернет-сайты выдают запрос на основе анализа данных о пользователе (его месторасположении и истории поиска, определяющей его основные предпочтения).

Следует отметить, что в «пузыре фильтров» оказываются не только граждане ЕС, но и население тех стран, которые находятся в зоне интереса (или зоне влияния) Союза. Иными словами, сегодня у ЕС есть информационный ресурс, которым он активно пользуется для проведения проевропейской и зачастую антироссийской пропаганды за рубежом¹⁵.

Говоря о цифровой дипломатии Европейского Союза, нельзя не отметить политику обнародования информационной деятельности России (disparage campaigns) или работу Фонда по противодействию влиянию России (Countering Russian Influence fund), который финансируется из источников ЕС и США. Кроме того, важным направлением цифровой дипломатии ЕС в

¹³ When the E.U. realized the potential of digital diplomacy // Exploring Digital Diplomacy. — 2014. — 25 May. — URL: <https://digdipblog.com/2014/05/25/when-the-e-u-realized-the-potential-of-digital-diplomacy/>

¹⁴ Digital diplomacy: States go online...

¹⁵ Схожую политику проводит и НАТО. Анализ публикаций, подготовленным центром НАТО по стратегическим коммуникациями в Риге, показывает, что они намеренно формируют определённый образ России как государства, которое стремится оказывать агрессивное информационное воздействие. См. например: Russia's Activities in Africa's Information Environment (Case Studies: Mali, Central African republic) // NATO Strategic Communication Center of Excellence. 2021. — URL: <https://www.stratcomcoe.org/russias-activities-africas-information-environment-case-studies-mali-central-african-republic>

отношении России являются масштабные проекты по медиаграмотности ЕС, которые ставят своей прямой задачей противодействие информационному влиянию России, в том числе в пространстве глобальных информационных сетей¹⁶.

Обращаясь к анализу стереотипов, сопровождающих образ России в культурном пространстве стран Евросоюза и поддерживаемых средствами цифровой дипломатии этих стран, можно выделить представление о России как о недостаточно развитом государстве, которое стремится продвинуть свои национальные интересы в ущерб мировой стабильности и безопасности. Первостепенное значение отводится проблемам нарушения прав человека, ущемления равенства (прежде всего, по гендерному признаку) и отсутствия толерантности. Подобная тактика не может содействовать эффективному горизонтальному взаимодействию граждан России и ЕС, поскольку де-факто формирует образ врага, а не партнёра.

Интересно, что источником этих стереотипов нередко являются именно официальные документы, которые целенаправленно формирует представление о цифровой дипломатии России как об инструменте дезинформации и внешнего влияния на страны ЕС (в том числе на электоральные процессы¹⁷ и процессы в бизнес-пространстве путём инициирования хакерских атак¹⁸). Ряд аналитиков квалифицирует подобные действия как информационную войну. Отметим: особенно активно подобная риторика применялась Евросоюзом накануне введения киберсанкций, которые впервые были применены в отношении России, Китая и Ирана

в июле 2020 г. В качестве официального повода введения антироссийских санкций назвалась деятельность российских граждан А.В. Минина, А.С. Моренеца, Е.М. Серебрякова и О.М. Сотникова, которым вменялась в вину кибератака на Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО). Кроме этого, в осуществлении кибератак¹⁹ против европейских компаний в июне 2017 г., а также кибератак против украинских сил, обвинялся Главный центр специальных технологий Главного управления Генерального штаба ВС РФ²⁰. При этом руководство Европейского Союза отказалось предоставлять запрашиваемые российским Министерством иностранных дел доказательства причастности российских граждан и структур к данным киберинцидентам. Более того, был проигнорирован призыв России начать разработку правил предотвращения конфликтов в киберпространстве.

То, что ЕС не намерен отказываться от возможности применения киберсанкций, явно демонстрирует Киберстратегия ЕС, предложенная совместно Европейской комиссией и Верховным представителем ЕС по правам человека Ж. Боррелем в декабре 2020 г.²¹ Новая стратегия не только сохраняет киберсанкции в качестве одного из инструментов кибердипломатии, но делает его основным. В частности, для введения санкций за киберинциденты необходимо будет собрать квалифицированное большинство, а не согласие всех государств-членов. Таким образом, на уровне межгосударственных отношений и отношений между Россией и общеевропейскими структурами существуют разногласия, в том числе по вопросам цифровой политики.

¹⁶ ЕС активизирует борьбу ЕС с дезинформацией...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Council implementing regulation (EU) 2020/1125 of 30 July 2020 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2020.246.01.0004.01.ENG&toc=OJ:L:2020:246:TOC

¹⁹ Известных как «NotPetya» или «EternalPetya».

²⁰ Council implementing regulation (EU) 2020/1125 of 30 July 2020 implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2020.246.01.0004.01.ENG&toc=OJ:L:2020:246:TOC

²¹ The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade // Joint Proposal of the European Commission and the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. — 2020. — 16 dec. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade>

С нашей точки зрения возможность быстрого размещения резких и непродуманных публикаций в социальных сетях со стороны должностных лиц (особенно представителей тех ведомств, чья деятельность связана с реализацией внешней политики) подтверждает необходимость разработки этического кодекса поведения в цифровом пространстве. Особенно актуальной данная мера представляется в контексте развития российско-европейских отношений, где преодоление взаимных стереотипов представляется шагом в сторону поддержания конструктивного диалога (хотя бы) на пороговом уровне.

Подводя итог необходимо отметить, что кросс-культурные аспекты взаимодействия стран ЕС и России, на сегодня

представленные в цифровой дипломатии преимущественно набором негативных стереотипов, нуждаются в существенной корректировке. Эксплуатация негативных коннотаций, связанных с оценкой — не отдельных эпизодов, а культуры в целом, — закрепляет тенденции, затрудняющие экономический и политический диалог, ведёт к утрате тех позитивных достижений, которые можно считать успехом политики и дипломатии 1990-х и 2000-х гг. Цифровая поляризация затрудняет общение не только в профессиональной среде международных дипломатов. Она фактически блокирует те самые «горизонтальные связи» граждан, ради которых дипломаты и политики, по их первоначальному заявлению, пришли в социальные сети.

Список литературы:

Алборова М.Б. Дипломатия городов, как важный фактор развития современных международных отношений в условиях цифровой цивилизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 8-1. — С. 136–139. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11473>

Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: Возможности и угрозы международной безопасности // Индекс безопасности. — 2013. — Т. 19, № 1. — С. 213–228.

Лебедева М.М. Потенциал российской публичной дипломатии // Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. — Москва: Дипломатическая академия, 2018. — С. 102–104.

Лебедева О.В. Роль социальных сетей в дипломатической практике России // Международная жизнь. — 2021. — № 3. — С. 20–27.

Международная безопасность: Глобальные и региональные акторы / Отв. ред. М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина. — Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. — 320 с.

Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. — 2016. — № 12. — С. 15–25.

Публичная дипломатия: теория и практика / Ред. М. М. Лебедева. — Москва: Аспект Пресс, 2017. 272 с.

Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО–Университета. — 2014. — № 2. — С. 22–29.

Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2020. — № 4. — С. 27–44. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>

Цыганков П.А. "Гибридные войны": понятие, интерпретации и реальность // "Гибридные войны" в хаотизирующемся мире XXI века. — Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2015. — С. 7–32.

Bjola C., Zaiotti R. Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation. — Abingdon; New York: Routledge, 2020. — 320 p. <https://doi.org/10.4324/9781003032724>

Castells M. The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective // Change: 19 Key Essays on How the Internet Is Changing Our Lives. — [Madrid]: Turner, 2014. — Pp. 127–148.

Data Diplomacy / A. Boyd, J. Gatewood, S. Thorson, T. Dye // Science & Diplomacy. — 2019. — Vol. 8, № 1. — URL: <http://sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy>

Feezell J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // *Political Research Quarterly*. — 2018. — Vol. 71, № 2. — P. 482–494. — DOI: 10.1177/1065912917744895.

Foglesong D. S. When the Russians really were coming: citizen diplomacy and the end of Cold War enmity in America // *Cold War History*. — 2020. — Vol. 20, № 4. — Pp. 419–440. <https://doi.org/10.1080/14682745.2020.1735368>

Hong S., Kim S. Political polarization on twitter: Implications for the use of use of social media in digital governments // *Journal Government Information Quarterly*. — 2016, — Vol. 33, № 4. — pp. 777–782. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.04.007>

Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy*. — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — xvi, 356 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04405-3>

Nye J.S. *Cyber power*. — Cambridge: Harvard Univ MA Belfer Center for Science and International Affairs, 2010. — 24 p.

References:

Alborova, M. B. (2019) 'City Diplomacy as an Important Factor of the Development of Modern International Relations in a Digital Civilization', *International journal of humanities and natural sciences*, (8–1), pp. 136–139. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11473>

Bjola, C. and Zaiotti, R. (2020) *Digital Diplomacy and International Organisations*. Edited by C. Bjola and R. Zaiotti. Abingdon; New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003032724>

Boyd, A. et al. (2019) 'Data Diplomacy', *Science & Diplomacy*, 8(1). Available at: <http://sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy>

Castells, M. (2014) 'The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective', in *Change: 19 Key Essays on How the Internet Is Changing Our Lives*. [Madrid]: Turner, pp. 127–148.

Feezell, J. T. (2018) 'Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era', *Political Research Quarterly*, 71(2), pp. 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>

Foglesong, D. S. (2020) 'When the Russians really were coming: citizen diplomacy and the end of Cold War enmity in America', *Cold War History*, 20(4), pp. 419–440. <https://doi.org/10.1080/14682745.2020.1735368>

Hong, S. and Kim, S. H. (2016) 'Political polarization on twitter: Implications for the use of social media in digital governments', *Government Information Quarterly*, 33(4), pp. 777–782. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.04.007>

Kharkevich, M. V. (2014) 'Soft Power: Political Use of a Scientific Concept', *MGIMO Review of International Relations*, (2), pp. 22–29. (In Russian).

Lebedeva, M. M. (ed.) (2017) *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika [Public diplomacy: theory and practice]*. Moscow: Aspekt press Publ. (In Russian).

Lebedeva, M. M. (2018) 'Potentsial rossiyskoy publichnoy diplomatii [The potential of Russian public diplomacy]', in *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI veke: vyzovy i perspektivy [Transformation of international relations in the 21st century: challenges and prospects: conference proceedings]*. Moscow, pp. 102–104. (In Russian).

Lebedeva, M. M. and Nikitina, Y. A. (eds) (2020) *Mezhdunarodnaya bezopasnost': Global'nyye i regional'nyye aktory [International Security: Global and Regional Actors]*. Moscow: Aspekt press Publ. (In Russian).

Lebedeva, O. V. (2021) 'Rol' sotsial'nykh setey v diplomaticheskoy praktike Rossii [The Role of Social Networks in Russian Diplomatic Practice]', *International Affairs*, (3), pp. 20–27. (In Russian).

Manor, I. (2019) *The Digitalization of Public Diplomacy*. Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04405-3>

Nye, J. S. (2010) *Cyber power*. Cambridge: Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs.

Podberezkin, A. I. (2016) 'Military Force and the Policy of the New Public Diplomacy', *Observer*, (12), pp. 15–25. (In Russian).

Tsvetkova, N. A. and Kuznetsov, N. M. (2020) 'Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics', *RSUH/RGGU Bulletin. Series Political Sciences. History. International Relations*, (4), pp. 27–44. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>

Tsygankov, P. A. (2015) 'Gibridnyye voyny: ponyatiye, interpretatsii i real'nost' [Hybrid Wars: Concept, Interpretations and Reality]', in *Gibridnyye voyny v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka [Hybrid Wars in the Chaotized World of the 21st Century]*. Moscow: MSU Publ., pp. 7–32. (In Russian).

Zinovieva, E. (2013) 'U.S. Gigital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security', *Security Index*, 19(1), pp. 213–228. (In Russian).

Информация об авторах

Елена Сергеевна Зиновьева — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, заместитель директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Валерия Игоревна Булва — эксперт, помощник директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Elena S. Zinovieva — Doctor of Political Science, Docent, Professor at the Department of World Politics, Deputy Director of the Center for International Information Security, Science and Technology Policy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Valeria I. Bulva — Expert, Director assistant of the Center for International Information Security, Science and Technology Policy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 11.12. 2021.

The article was submitted 30.08.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 11.12.2021.